

*Е.С. Аничкин, С.В. Землюков, В.И. Плохова***Роль решений Конституционного суда РФ
в совершенствовании уголовного закона и его толковании***E.S. Anichkin, S.V. Zemlyukov, V.I. Plokhova***The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation
in Improvement and Interpretation of Criminal Law**

Приводится обоснование решения Конституционного суда РФ о неприменении в отношении граждан России до вступления в силу международного договора (или его части), затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающего при этом правила, отличающиеся от закона, в случае, если такой договор официально не опубликован. Сделан вывод о недостаточно быстром реагировании, а в ряде случаев игнорировании законодателем соответствующих правовых позиций Конституционного суда РФ. Предложены некоторые пути оптимизации содержания уголовного закона и толкования его норм.

Ключевые слова: решения, правовые позиции, Конституционный суд, конституционные принципы, толкование, правовая определенность, пределы ограничения прав человека, международный договор, уголовный закон, обратная сила.

Почти 20 лет в России функционирует Конституционный суд (КС РФ). Естественна в связи с этим потребность как исследователей Конституции РФ, так и «отраслевиков» (см., например: [1]), обобщить этот опыт, использовать правовые позиции КС РФ для совершенствования законотворческой и правоприменительной деятельности. В правовых позициях Конституционного суда содержится не только констатация конституционности или отступление от ее норм, но и важные для совершенствования уголовного права положения. В статье речь пойдет об особо значимых для уголовного права решениях КС РФ.

В силу многократных (иногда в одну и ту же норму) изменений норм уголовного права неопределимую роль в толковании ст. 10 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) «Обратная сила уголовного закона» оказывает Постановление КС РФ от 20.04.2006 №4-П (далее – **Постановление 2006 г.**) [2].

В этом постановлении, *во-первых, заложена обратная сторона принципа стабильности*. Для того чтобы соразмерить свое поведение с нормами закона, закон должен быть стабильным. Нормы права долж-

The study substantiates decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation about non-usage of legal acts regarding Russian citizens until international agreement (or its part) affecting rights, freedoms and duties of man and citizen and establishing the rules differ from the law if such agreement is not officially published and come into force. It was concluded that there is inefficiently quick response and even elimination of applicable law positions of the Constitutional Court of the Russian Federation by the law. Certain ways to improve the criminal law's content and to interpret its norms are suggested.

Key words: decisions, legal positions, Constitutional Court, constitutional principles, interpretation, legal specificity, restriction limits of human rights, international contract, criminal law, backward force.

ны меняться лишь тогда, когда для этого в обществе имеются предпосылки. Однако в случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель, исходя из конституционных принципов, обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями. По сути, в данном документе заложен новый срез принципа соразмерности правовых ограничений сложившимся в обществе реальным общественным отношениям. Соблюдение этого принципа важно не только для уголовного права, но и в целом для нормативного правового регулирования. Несоответствие правового регулирования сложившимся экономическим отношениям в России и в мире неоднократно показывал председатель КС РФ В. Зорькин. В частности, он отмечает, что «текущий мировой экономический кризис особенно остро высветил те проблемные тенденции правового обеспечения хозяйственно-экономической жизни современ-

ного глобализующегося мира, которые вызревали в последние десятилетия. Основное содержание этих тенденций я бы определил как *отставание нормативно-правовой регламентации хозяйственно-экономических отношений от изменений социального содержания этих отношений*, заметно ускоряющихся по мере развития процессов глобализации» [3].

Во-вторых, в рассматриваемом Постановлении 2006 г. [2] получил толкование применительно к России *новый аспект недопустимости поворота к худшему*, интерпретировалась его обратная сторона с учетом закрепления его в Конституции РФ. Суд говорит о соразмерности правовых ограничений в рамках отдельной отрасли права – уголовного права: «...исходя из общеправовых принципов гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, Конституция Российской Федерации в ... ст. 54 (ч. 2) предписывает, что в случае устранения или смягчения новым законом ответственности за совершенное правонарушение применяется новый закон» [2]. Если после совершения правонарушения *ответственность* за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в отличие от ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, прямо *не формулирует* правило, обязывающее применять новый закон, принятый после совершения правонарушения, если он устраняет или смягчает *ответственность в любых проявлениях*. Пункт 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах непосредственно обязывает придавать обратную силу лишь закону, устанавливающему более легкое наказание. Следовательно, Конституция РФ предусматривает более широкие возможности для обратной силы закона. Этот же принцип конкретизируется и в ст. 10 УК РФ. Ни ст. 54 (ч. 2) Конституции РФ, ни п. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах не содержат норм, которые допускали бы возможность ограничения действия закрепленных в них правил в зависимости от видов правонарушений, категорий лиц, их совершивших, или каких-либо иных обстоятельств. Так же и по буквальному смыслу ч. 1 ст. 10 УК РФ закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение – в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил его Общей части, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином.

В-третьих, КС РФ обосновывает *обязанность правоприменителя исполнять закон, имеющий обратную силу*: «...вопрос об освобождении от наказания или о смягчении наказания в связи с изданием уго-

ловного закона, имеющего обратную силу, решается судом по ходатайству осужденного (п. 2 ч. 1 ст. 399), не может рассматриваться как освобождающее уполномоченные государственные органы и должностных лиц от обязанности самостоятельно инициировать применение нового уголовного закона. Такое истолкование названного законоположения вытекает не только из Конституции Российской Федерации, гарантирующей государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 и ст. 45, ч. 1), но и из отраслевого законодательства...» [2].

Правовые позиции, изложенные в рассматриваемом решении КС РФ, очень актуальны в период постоянного обновления норм уголовного права и провозглашения идеи соблюдения прав человека.

Вопросам соблюдения конституционных норм при закреплении и толковании признаков «товарной» контрабанды посвящено шесть (три отказных) решений КС РФ: два – относительно отмененной редакции уголовного закона (ст. 188 УК РФ) [4; 5], и четыре – современной ее интерпретации [6; 7 и др.].

В первых двух постановлениях КС РФ (Постановление 2008 г. [4] и Постановление 2010 г. [5]) рассматриваются разные аспекты принципа непротиворечивости норм права. Непротиворечивость для закрепления и толкования уголовно-правовых норм означает отсутствие противоречий как между самими статьями уголовного закона, ее Общей и Особенной частями, внутри частей, так и с нормами, в том числе санкциями регулятивного и другого, кроме уголовного, деликтного законодательства. В данных постановлениях контрабанда рассматривается в системе различных отраслей права: в соотношении с регулятивным и деликтным законодательством. На межотраслевом уровне оценивается закрепление признаков контрабанды с позиций а) принципа определенности и б) соблюдения пределов ограничения прав человека.

КС РФ в **Постановлении 2008 г.** [4] признал нормы административного и уголовного права, касающиеся регулирования ответственности за контрабанду: 1) неопределенными, ибо нет разграничителя между уголовно наказуемой (ч. 1 ст. 188 УК РФ) и административной контрабандой (ст. 16.4 КоАП РФ) в ситуации перемещения через таможенную границу валюты; 2) не соответствующей общественной опасности, а потому нарушающей пределы допустимых ограничений прав человека (ст. 55 Конституции РФ). В п. 5.2 рассматриваемого постановления заложен принцип деликтного уголовно-правового и регулятивного регулирования общественных отношений. «Если же те или иные действия согласно принятому в соответствующей сфере общественных отношений регулированию разрешены, т.е. в момент их совершения являются правомерными, то они не могут влечь уголовную ответственность» [4]. Следовательно, получается, что

если провоз определенной суммы валюты разрешен, то эта сумма не может быть включена в последствия контрабанды!

Кроме того, в п. 5.3 данного постановления сформулирован принцип соразмерности правовых ограничений применительно к двум разным деликтным отраслям законодательства – административному и уголовному: ограничения должны быть соразмерны тем целям, ради которых права человека ограничиваются, должны быть разные основания для уголовной и административной ответственности, четкая грань между административными и уголовными деяниями, между мерами уголовной и административной ответственности. Вытекающий из ст. 19, 54 и 55 (ч. 3) Конституции РФ принцип соразмерности правонарушения и мер юридической ответственности, выражающийся в уголовном праве в требовании соразмерности наказания совершенному преступлению, обязывает федерального законодателя устанавливать меры уголовной ответственности: 1) адекватные общественной опасности преступления, 2) отграничивая при этом запрещенные уголовным законом деяния и 3) уголовные наказания от административных правонарушений и мер административной ответственности, 4) не допуская смешения: а) оснований и б) видов уголовной и административной ответственности.

Соответственно, нормы, вводящие юридическую ответственность, должны исключать расширительное их истолкование, с тем, чтобы за правонарушения, являющиеся, по существу, административными, не допускалась одновременно возможность и уголовной ответственности. Тем более не должно иметь место такое регулирование, в результате которого уголовная ответственность вводится за совершение тех или иных действий, разрешенных законом, регулирующим соответствующую сферу отношений, т.е. законных по своему существу.

Не соблюдая материальные критерии допустимости правовых ограничений при закреплении и толковании уголовно наказуемой контрабанды, нельзя соблюсти и принцип верховенства права.

Жалоба, послужившая поводом для рассмотрения КС РФ в 2010 г. норм о контрабанде, частично касалась идентичного вопроса, что и в Постановлении 2008 г.: о некорректности учета при определении крупного размера контрабанды разрешенного для провоза через границу без декларирования количества не валюты, а товара. В **Постановлении 2010 г.** [5] также констатируется и доказывается нарушение принципа определенности норм права и соразмерности правовых ограничений целям, ради которых вводятся эти ограничения, и другими признаками административно и уголовно наказуемой контрабанды.

Так, принцип определенности норм нарушен нечетким (разновариантным) закреплением способа установления стоимости ввозимого на территорию России товара в законодательстве и толковании его

правоприменителем. Решением комиссии таможенного союза Евразийского экономического сообщества от 20 сентября 2010 г. №376 «О порядках декларирования, контроля и корректировки таможенной стоимости товаров» утверждены порядки декларирования таможенной стоимости товаров, контроля и корректировки таможенной стоимости товаров.

Соразмерность правовых ограничений целям, ради достижения которых они вводятся, нарушена отсутствием соразмерности причиненного вреда и наказания. Это проявилось в том, что исчисляемые по нормам КоАП РФ сроки давности привлечения к ответственности могут быть равными или даже превышать сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Сроки давности привлечения к административной ответственности должны быть четко определены в законе. Они не могут зависеть от деятельности правоохранительных органов. Однако не исключается правомочие федерального законодателя устанавливать для отдельных составов административных правонарушений специальные сроки давности привлечения к административной ответственности, которые превышают существующие, *но во всяком случае не могут быть больше минимальных сроков давности привлечения к уголовной ответственности* и должны иметь не зависящее от каких-либо юридических фактов календарное исчисление. Эти правовые позиции актуальны в силу того, что признанная неконституционной норма административного права не изменена, а в целом сроки давности по многим административным правонарушениям (ст. 4.5 КоАП РФ) свыше минимально установленных в уголовном праве (ст. 78 УК РФ). Такое положение не только нарушает принцип соразмерности правовых ограничений, но и порождает злоупотребления правом, особенно в налоговых преступлениях.

Следует отметить, что спустя два года после признания неконституционным закрепления и толкования признаков «товарной» контрабанды (ч. 1 ст. 188 УК РФ) были внесены изменения в ст. 169 УК РФ, в результате чего достигнуты определенность и справедливость в разграничении административно наказуемой и уголовно наказуемой контрабанды. Уже это свидетельствует о влиянии решений КС РФ на модернизацию норм УК РФ в соответствии с Конституцией РФ. В последующем контрабанда (ст. 188 УК РФ) в прежней редакции утратила силу. Однако, во-первых, содержащиеся в ней действия полностью не декриминализованы, ибо товарная контрабанда осталась в составе ст. 194 УК РФ, а признаки контрабанды изъятых из оборота и других предметов закреплены в двух составах преступлений, предусмотренных ст. 226.1 и 229.1 УК РФ. Во-вторых, правовые позиции, содержащиеся в рассмотренных выше постановлениях КС РФ [2; 4; 5], очень важны в целом для права, для уголовного права особенно, для законодателя и правоприменителя, ибо содержат основы закрепления и толкования норм уголовного права.

Постановление от 27 марта 2012 г. №8-П (далее – **Постановление 2012 г.**) [6] и последующие определения КС РФ (см., например: [7]) посвящены проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Правовые позиции, обнародованные в этом постановлении, значимы для всех отраслей права, в том числе уголовного. Дело в том, что Конституция РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации, в том числе, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17, ч. 1), которые, равно как и *международные договоры Российской Федерации, являются составной частью ее правовой системы, причем если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ст. 15, ч. 4).*

Предметом рассмотрения КС РФ в Постановлении 2012 г. является п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в той части, в какой на его основании разрешается вопрос, может ли в Российской Федерации временно применяться, до вступления в силу, международный договор (или часть международного договора) Российской Федерации, затрагивающий права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающий при этом иные правила, чем предусмотренные законом, – в том случае, если такой договор не опубликован официально. КС РФ обосновал интересную (можно сказать двойную) позицию по этому вопросу: в отношении граждан России не опубликованные временные международные договоры не должны применяться; в отношениях с другими государствами Россия даже по такому международному договору должна выполнять все обязательства. В постановлении, в частности, говорится (выделено курсивом нами. – *Прим. авт.*):

«Вводя в правовую систему Российской Федерации международные договоры Российской Федерации и определяя в статье 15 (часть 4) основанный на принципе добросовестного выполнения международных обязательств (*pacta sunt servanda*) единый подход, которым необходимо руководствоваться, применяя правила международного договора Российской Федерации в случае их расхождения с правилами, предусмотренными законом, Конституция Российской Федерации не устанавливает непосредственно порядок и условия заключения, выполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации, а возлагает решение этих вопросов на *федерального законодателя* (статья 71, пункт «к»; статья 72, пункт «о» части 1; статья 76, части 1 и 2), который обладает значительной дискрецией при осуществлении соответствующего правового регулирования и вместе с тем обязан следовать требованиям Конституции Российской Федерации, вытекающим, в частности, из содержащих прямые упоминания

о международных договорах Российской Федерации статей 15 (часть 4), 46 (часть 3), 62, 63 (часть 2), 79, 86 (пункты «б», «в»), 106 (пункт «г») и 125 (пункт «г» части 2; часть 6). Федеральный законодатель связан также международными обязательствами, принятыми на себя Российской Федерацией, в том числе вытекающими из Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, которая констатирует все возрастающее значение договоров как источника международного права и как средства развития мирного сотрудничества между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе, и ориентирует государства на то, что кодификация и прогрессивное развитие права договоров будут способствовать достижению указанных в Уставе целей Организации Объединенных Наций, а именно поддержанию международного мира и безопасности, развитию дружественных отношений между народами и осуществлению их сотрудничества друг с другом (преамбула).

Соответственно, законодательное регулирование института международных договоров Российской Федерации должно основываться на получивших конституционное и международное признание и подтверждение универсальных принципах, вытекающих из присущего каждой личности человеческого достоинства, – принципе всеобщего уважения прав человека и основных свобод и принципе правовой определенности, а также обеспечивать согласованный учет требований Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Вместе с тем, поскольку конституционно закрепленное признание международных договоров, стороной которых является Российская Федерация, частью ее правовой системы, создавая предпосылки для непосредственного применения содержащихся в таких договорах правил на территории Российской Федерации, не меняет юридической природы и значения международных договоров в качестве источника международного права, *посредством которого закрепляются права и обязанности государств – участников этих международных договоров как субъектов международного общения, вводимые федеральным законодателем нормы о международных договорах не могут влиять на права и обязанности Российской Федерации как стороны международного договора в отношениях с иными государствами-участниками и должны быть расценены исключительно на внутригосударственное применение, т.е. ограничиваться установлением имеющих внутригосударственное значение условий заключения, выполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации.*

Таким образом, основанная на принципе *pacta sunt servanda* конституционная обязанность Российской Федерации рассматривать заключенные ею международные договоры в качестве составной части сво-

ей правовой системы (статья 15, часть 4 Конституции Российской Федерации) применительно к международным договорам, *затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающим при этом иные правила, чем предусмотренные законом, в силу статьи 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации с необходимостью предполагает их официальное опубликование для всеобщего сведения, – в противном случае стремление государства любой ценой соблюсти обязательства в отношениях с другими государствами может приводить к нарушению прав и свобод человека и гражданина.*

Требование обнародования нормативного правового акта от имени государства компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой *определенности*, на основе которого устанавливаются отношения государства и индивида, и означает всеобщее оповещение о том, что данный нормативный правовой акт принят и подлежит действию в изложенном аутентичном содержании. Только в этом случае на лиц, подпадающих под его действие, распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Неопределенность же относительно того, действует или не действует нормативный правовой акт, не может обеспечить единообразие в его соблюдении, исполнении и применении и, следовательно, порождает противоречивую правоприменительную практику, создает возможность злоупотреблений и произвола, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, ведет к нарушению принципов равенства и верховенства права» [6].

Из анализа законоположений, касающихся международных договоров, следует, что органы государственной власти Российской Федерации или уполномоченные организации в соответствии с предоставленной компетенцией вправе по своему усмотрению решать вопросы, связанные с заключением, в том числе с вступлением в силу, международных договоров Российской Федерации, и что Российская Федерация не вправе уклоняться от добросовестного выполнения вступивших в силу международных договоров, участником которых она является. Такое законодательное регулирование основано на том, что Российская Федерация, обладая государственным суверенитетом (преамбула; ст. 3, ч. 1; ст. 4, ч. 1 Конституции РФ), является самостоятельным и равноправным участником межгосударственного общения и одновременно, объявляя себя демократическим правовым государством (ст. 1, ч. 1 Конституции РФ), должна следовать добровольно принятым на себя в рамках международных соглашений обязательствам, что подтверждается положениями Венской конвенции о праве международных договоров, в силу которых каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, обязательность которых для него

невозможна без выражения соответствующего согласия (ст. 6 и 11); каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26), при этом участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27).

КС РФ делает вывод о том, что:

1) вступивший в силу временно применяемый международный договор, в том числе затрагивающий нормы права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающий при этом иные правила, чем предусмотрено законом, подлежит обязательному официальному опубликованию в установленном порядке, без чего они не могут считаться удовлетворяющими принципам правового государства, верховенства закона, юридического равенства и справедливости. Оно диктуется и принципом определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования;

2) п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» не противоречит Конституции РФ в конституционно правовом истолковании, предложенном в данном постановлении [6]. Такое толкование не ставит под сомнение обязанность Российской Федерации добросовестно соблюдать положения, вытекающие из временно применяемых ею международных договоров в отношениях с другими государствами-участниками в связи с отсутствием внутригосударственного официального опубликования такого договора;

3) федеральному законодателю установить трехмесячный срок для законодательного урегулирования порядка официального опубликования временно применяемых международных договоров Российской Федерации, которыми затрагиваются права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливаются при этом иные правила, чем предусмотренные законом.

В течение того же срока должно быть завершено официальное толкование таких международных договоров. По истечении указанного срока любые временно применяемые международные договоры, которыми затрагиваются права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливаются при этом иные правила, чем предусмотренные законом, не могут применяться далее, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

На наш взгляд, КС РФ принял мудрое решение, но в пределах ли своей компетенции? Этот вопрос ставится в особых мнениях судей КС РФ по этому постановлению, в связи с чем для теоретиков небезынтересна проблема «право на закон».

Нам представляется, что изложенная правовая позиция КС РФ оправдана сложившимся в России положением дел. Анализ выполнения решений КС РФ, как

более раннего периода, так и современного, при безусловно положительном влиянии его решений на совершенствование норм уголовного права и его толкования, свидетельствует о том, что федеральный законодатель часто не спешит изменять или отменять явно неконституционное законодательство. Это касается и обсуждаемого в Постановлении 2012 г. [6] вопроса. По свидетельству судьи КС РФ Сергея Князева, соглашение между правительствами Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза, действующее с 1 июля 2010 г. в режиме временного применения, и, по большому счету, граждан, пострадавших от него, можно признать жертвами легкомысленного отношения к необходимости его официального опубликования. И ведь до КС РФ этот вопрос уже поднимался: и Высший арбитражный суд РФ, и Верховный суд РФ прямо и недвусмысленно подчеркивали, что вступившие в силу международные договоры не подлежат применению, если они официально не опубликованы. «...Поверьте мне, проблема с публикацией вступивших в силу международных договоров носит не менее острый характер, чем с теми, которые не вступили в силу, но временно применяются. Другое

дело, что мы не могли выйти за пределы предмета жалобы, но вообще когда три высших суда консолидированно высказывают позицию в адрес государства и его компетентных органов, прежде всего МИДа, то это уже не тревожный звонок, а, можно сказать, набат» [8].

В ситуации бессистемного неоднократного изменения уголовного закона (много поправок в УК РФ недостаточно обоснованны, часто не соблюдается принцип определенности; в них не отражаются пределы и условия криминализации деяний и др.), нельзя не подчеркнуть еще одно положение Постановления 2012 г. [6]: из конституционных норм (ст. 1, 2, 17–19, 55) вытекает, что изменение законодателем ранее установленных условий реализации прав и свобод должно осуществляться с соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает разумную стабильность правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм.

Представляется, что необходимо провести ревизию действующего уголовного и сопряженного с ним деликтного и регулятивного законодательства на соответствие заложенным в постановлениях КС РФ правовым позициям.

Библиографический список

1. Степченко В.В. Решения Конституционного суда РФ в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

2. По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – №3.

3. Зорькин В. Правовое регулирование экономики: глобальные тенденции и российский опыт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2012/06/01/regulirovanie.html>.

4. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008

№8-П [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/>.

5. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова : Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 №15-П [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/>.

6. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 №8-П [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/>.

7. По запросу Администрации Краснодарского края о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3 части 1 статьи 23 Федерального закона «О защите конкуренции» : Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2012 №630-О [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/>.

8. Закатнова А. Суд зазвучал набатом // Российская газета. – 2012. – 16 апр.